

Часть первая

Глава 1

Ночь, ветер еще не теплый, но уже весенний. Он нес с собой аромат раскрывающихся почек в них и далекое дыхание лета, а земля все еще оставалась по-зимнему холодной. На душе постыло. Вроде бы и пришло время пробуждаться от спячки, но такого настроения у Алексея почему-то не было.

Нормальные люди спят сейчас в своих квартирах, а тут стой на холодном ветру, жди, когда кому-то приспичит куда-то съездить, тогда позвонят или по приложению вызовут. Может, случайный прохожий свернет с тротуара и махнет рукой, подзывая извозчика.

Алексей рад стараться. Дескать, доставлю туда, куда прикажете. Нет, он, конечно, лебезить перед клиентом не станет, но услуги свои предложит. И завтра будет рад, и послезавтра.

Жизнь идет, настоящих денег у него нет и никогда не будет. А он о своем доме у реки мечтает, построенном из крым-

ского ракушечника или дагестанского камня. Можно и просто из кирпича, но с балюстрадой из натурального песчаника. Но ведь не будет уже ничего, сорок четыре года за плечами, перспектив нет и не предвидится. Алексей Скалочников не жил, а существовал, поэтому тоска не уходила из его души.

— А вот еще анекдот. Стоит новый русский в Третьяковке, смотрит на картину, репу чешет...

Зато Ваня — сама бодрость. Двадцать два года парню, квартиры нет, машину арендует, гол как сокол, зато жениться собирается. Алексей отговаривал его от этого ярма на шею, но бесполезно. Ваня же временно в таксистах, завтра ему непременно позвонят из Кремля и предложат чудесную должность в районной администрации с окладом в полмиллиона. Он, конечно, вслух не говорил о таких перспективах, но верил в них, поэтому постоянно был бодр, весел и анекдоты травил без устали.

Они стояли возле своих машин. Даже под гнетом депрессивных мыслей Скалочников не мог отказать себе в свежем весеннем воздухе.

— А на картине мужик в лохмотьях. «Ничего себе, такой оборванец, а портрет свой у самого Сурикова заказал!»

— Тупой был этот новый русский, да? — осведомился Скалочников и скривился.

— Тупой, — подтвердил Ваня этот непреложный факт.

— А бабки имел.

Тут из темноты на свет вышла девушка с распущенными волосами, в коротком платье под пальто

нараспашку. Красивая, светловолосая, длинноногая, глаза из алмазного фонда, губы из палаты мер и весов, грудь из базы первичных эталонов, а в целом — взрыв мозга.

Скалочников прожил жизнь, уже даже считал, что разучился удивляться, и вдруг от изумления открыл рот. А Ваня и вовсе застыл как истукан.

Но девушка смотрела именно на него. Она выбрала Ваню своим водителем, а может, и погорячей чего-то хотела. Парень он видный, а эта барышня была заметно подшофе. Походка у нее красивая, от бедра, но нетвердая.

— Мне на Краснознаменную! — Язык у красавицы не заплетался, но слушался плохо, и это чувствовалось.

Да, тяжелый язык, зато звучание голоса легкое, волнуемое, чертовски приятное.

Скалочников глянул на Ваню, выступил вперед и заявил:

— Поехали!

Не важно, кого выбирает клиент, главное, кто первый в очереди. А он подъехал раньше.

— На Краснознаменную? — Девушка с сомнением глянула на него.

Ваня молодой и стройный. Скалочников со своим двойным подбородком и вислым пузом проигрывал ему по всем статьям.

— Да хоть в светлое будущее! — заявил он, открыл переднюю пассажирскую дверцу, обошел машину и сел за руль.

Но девушка отворила заднюю дверцу.

— А кто закрывать будет? — спросил он, когда она устроилась на заднем сиденье.

— Я закрыла.

Пассажирка действительно захлопнула за собой дверцу, но передняя так и осталась открытой.

— А вот эту?

Скалочников сам должен был закрыть дверцу. Это не было для него проблемой. Но ему нужен был повод, чтобы повернуться к пассажирке и глянуть на ее коленки в прозрачных колготках. Ножки — само совершенство, особенно сейчас, после долгой зимы. И глаз радовался, и плоть возбуждалась. А еще от девушки пахло дорогими духами, элитным коньяком и сексом. Она хотела чего-то остренького, потому и вырядилась так — короткое платье, пальто нараспашку. А то, что взгляд у нее усталый и равнодушный, так это таксист рылом не вышел. Ей молодых коней в борозду подавай, старые глубоко не пашут.

Блондинка действительно собралась выходить из машины, даже открыла дверцу.

— Стоять! — выкрикнул Скалочников и тут же продемонстрировал ей свою резвость.

Он резко развернулся, просунул руку между сидений, схватил девушку за ногу и запустил пальцы под платье.

— Пошел на хер, козел! — провизжала пассажирка, и ее акриловые ногти вилами прошлись по его предплечью.

Рукав куртки не пострадал, однако Скалочников взбесился. Чем он хуже тех мужиков, с которыми гуляет эта шлюха? Рожей не вышел?! Прикид не

очень? Толстый и жирный? Ну так сейчас она узнает, с кем имеет дело!

Скалочников не смог удержать блондинку, и она выскочила из машины. Он бросился за ней, догнал, схватил, с силой развернул к себе, уцепился двумя руками за лиф платья и показал всю свою богатырскую силу, разорвал одежду от декольте чуть ли не до самого низа. Бюстгальтера на девушке не было, и ее грудь обнажилась. Красивая, высокая, необычайно упругая, без всякого силикона. Такой действительно не нужен лифчик.

Скалочников обомлел, глядя на обнажившуюся красоту. Он осознал свою ошибку, даже готов был отвезти девушку домой бесплатно, но та вдруг вцепилась ему пощечину и выкрикнула:

— Урод!

Скалочников замахнулся в ответ, но ударить не смог. Кто-то вцепился ему в руку. Это был Яша Сыроваткин.

— Ты что делаешь, баран? — крикнул он ему в ухо.

Мужик рослый, сильный, на такого даже в запале не попрешь. Скалочников остыл в один момент.

— Это же Стелла! — заявил Сыроваткин.

— И что?

Отвечать Яша не стал, подал девушке руку и повел ее в свою машину. Они уехали.

Скалочников проводил их оторопелым взглядом. К нему подошел Ваня.

— Что за Стелла? — спросил Алексей.

— Не знаю, — ответил парень и пожал плечами. — Но зря ты ее ударил.

— Я ее не бил!

Скалочников действительно не бил Стеллу. За ногу хватал, платье порвал, замахнулся — это было. Но ничего более. Ваня же смотрел на него так, как будто он ее ко всему прочему изнасиловал. А если именно за это с него и спросят?

Платье дорогое, брендовое, но дело даже не в этом. Ощущение такое, что этот гад порвал напололам не только его, но еще и душу, а потом смачно плюнул в нее.

Впрочем, Стелла к этому привыкла. Она горько усмехнулась, глядя на своего сожителя, который стремительно приближался к ней. Это был полковник Улехов, начальник всей районной полиции, взяточник и бандит, крупный, мордастый, насквозь пропахший дешевым табаком и кислым потом. Сейчас он курил дорогие сигареты, брызгался изысканным парфюмом, но Стелле казалось, что его тошнотворный запах никогда не выветрится из ее подсознания.

Не слюбилось с ним, но стерпелось. Хотя иной раз душа и требовала бунта. Сегодня Стелла сорвалась, созвонилась с подружкой и рванула к ней. Правда, Вике кто-то позвонил, и она сказала, что ей нужно срочно уехать.

Стелла не растерялась, остановила машину возле бара и наклюкалась там в одиночку. В заведении к ней никто не приставал. Она спокойно отправилась домой, но нарвалась на бешеного таксиста.

— Ты где была? — спросил Улехов.

Он и злился, и переживал за нее. Стелла стояла перед ним, скрестив руки на груди, как будто душу от плевков защищала. Улехов заподозрил неладное, развел ее руки, ничего не увидел, расстегнул пальто, и грудь девушки обнажилась.

— Не понял!

— Да таксист, сволочь!

— Этот?! — Улехов рванул к воротам, от которых еще только отъезжала машина с шашечками.

— Нет, этот нормальный! — запахивая грудь, сказала Стелла.

— А кто ненормальный?

— Ты ненормальный! — выпалила девушка.

На самом деле ненормальной оказалась она. Зачем ей нужно было оставлять свой «мерседес» возле бара? Правильной вдруг решила стать? Нельзя в нетрезвом виде за рулем, на такси надо ехать, вот и понесло ее к черту на рога.

А с Улеховым она зачем живет? Неприятно с ним не только в постели, тошно, а надо. Никуда от него не денешься. Это ведь его дом, он строил его пусть и для нее, но за свои деньги. Оформлено все на Стеллу, но как ей воспользоваться правом собственности, когда во всем Пригорьевске нет человека более значимого, чем Улехов? Да он ее одним пальцем по стенке размажет, если она по-настоящему взбрыкнет.

— Я ненормальный? — Улехов не вышел из себя, но за руки Стеллу взял.

Он снова обнажил ее бюст и любовался им с вожделением собственника. Стелла принадлежала

только ему, он свято в это верил. А ведь права на нее готов был заявить и Феликс Сажин, его первый заместитель. Этот подполковник тоже мог шантажировать ее, к тому же и у него голова стояла не на месте. Оба были влюблены в нее. От обоих Стеллу тошнило.

— Мне холодно! — сказала она.

Они стояли посреди двора, на открытом воздухе, а ночи в середине апреля только пахнут весной, никак не более.

— Что, никто не согрел?

— Да вот не повезло!

— Нажралась! — Голос Улехова звенел от ревности.

— И все равно никто не снял!

— А таксист?

— Убей его! — скорее в шутку, чем всерьез сказала она. — Если я замерзну здесь до смерти.

— Не замерзнешь! — заявил Улехов.

Он запахнул пальто, присел, обнял Стеллу за ноги, забросил ее на плечо, резко поднялся и понес в дом.

Она вздохнула, зная, чем все закончится. Тяжело ей под этим битюгом, нет никакой радости от секса, но делать нечего. Улехов присвоил ее себе, и она сама в этом виновата.

Не надо было в свое время сбегать из отчего дома. Она сделала это восемь лет назад и попала в хорошие руки. Осокин был приятным мужчиной, приучил ее к легким деньгам и праздному безделью. Она не собиралась расставаться с ним, но его

убили, а Стелла оказалась крайней. Улехов помог ей избежать наказания, но свободы ее все же лишил. Впрочем, не так уж и плохо быть его любовницей, нужно всего лишь научиться терпеть.

Сначала образуется перепад атмосферного давления, а затем уже появляются тучи.

Видимых причин для беспокойства вроде не наблюдалось, вокруг царили тишина и спокойствие, но ситуация накалялась, подполковник Сажин внутренним барометром чувствовал приближение бури. А тут вдруг этот звонок.

— Феликс, нас никто не слышит? — строгим, дрожащим от волнения голосом спросил Антонов.

С главой администрации района его связывали деловые отношения. Феликс прикрывал его со своей колокольни, помогал ему с заказами на строительство и благоустройство города. Они вместе вполне успешно осваивали районный бюджет, и Сажин очень хорошо на этом поднялся. Один дом уже стоит, другой достраивается. Есть и свободные деньги на засекреченных счетах и наличными. Все у него хорошо, но долго ли так может продолжаться?

— Говори, не бойся.

— Все очень плохо, Феликс. Вы с Улеховым в разработке у ФСБ!

— Информация проверенная? — осведомился Сажин и нахмурился.

— Скажу больше, за вами уже выехали.

— За мной ничего нет, — сказал Сажин и инстинктивно выдвинул ящик стола.

Он не держал у себя в кабинете ничего уличающего и компрометирующего, но тревожный импульс тронул его нервы.

— Феликс, про меня ни слова! — Антонов боялся прослушки, но все-таки позвонил, сказал самое главное и прекратил разговор.

Страшно ему было. Видимо, ситуация и на самом деле сложилась патовая или даже матовая.

Улехова Сажин нашел в дальнем углу двора, на спортплощадке, обычно пустующей. Полковник стоял возле сварных брусьев и негромко разговаривал по телефону. Феликс подходил к нему, стараясь не шуметь.

— Олег, этот упырь оскорбил меня лично! Убивать его не надо, но сделай ему очень больно, — проговорил тот.

Сажин знал секрет бесшумного шага, но Улехов его все же учуял, выключил телефон, резко повернулся к нему.

— Как шакал подкрадываешься, — заявил он и презрительно скривился.

Кошка между ними пробежала давно. Когда-то Сажин шел в фарватере Улехова, решал вопросы нестандартного характера, в общем, помогал ему прибирать город к рукам. Однако со временем он встал на сторону главы администрации района, включился в его игру, взял под свой контроль строительную фирму, а затем и муниципальный бюджет.

Сажин сделал именно то, к чему стремился сам Улехов, поэтому и попал в опалу. Противостояние между могущественным начальником и не менее

влиятельным подчиненным, как правило, ничем хорошим не заканчивается для них обоих. Антонов сегодня это подтвердил. Если за дело взялась ФСБ, то пиши пропало.

— Чутье твое проверяю, — сказал Сажин и мрачно усмехнулся.

— Неважное у меня чутье, если такую крысу проморгал.

Конечно же, Улехов хотел избавиться от Феликса. Он и с должности его пытался снять через свои каналы, и киллера к нему засылал, но коса, как говорится, нашла на камень. Сажин держался уверенно, но работал во вред их общему делу. Оно ведь таковым и оставалось, несмотря ни на что. Улехов держал под собой городской бизнес, снимал свой процент за крышу, а Сажин контролировал и бюджет, и чиновников, которые с него кормились. Это была одна мафия. Просто Феликс хотел играть на равных с Улеховым, но тот признавал только единоначалие.

— Мы не крысы, а пауки под колпаком у чекистов.

— Это ты о чем? — осведомился Улехов.

— Нас прихлопнут или просто перекроют нам кислород.

— Откуда информация?

— Не думаю, что это все серьезно. Скорее всего, просто слухи.

— Слухи, говоришь?

— Но даже если и так, то нужно что-то делать, подчищать хвосты.